

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091) (44) «20»

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-72-81

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В РАБОТАХ МИШЕЛЯ ФУКО

Глинский А.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В этой статье осуществляется попытка раскрыть и проследить генезис понятия "власть" через призму истории социальных отношений внутри европейской культуры в интерпретации французского философа постмодернистского направления Мишеля Фуко на примере таких его произведений, как «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» и «*Omnes et singulatim*: к критике политического разума», с тем, чтобы показать специфику рассмотрения феномена власти французским мыслителем XX в. Автор обозначает принадлежность Фуко к определённой традиции мышления, что в достаточной мере обуславливает концепцию власти французского мыслителя. Осуществляется попытка рассмотреть в работах Фуко, избранных автором, исследуемый феномен с тем, чтобы выявить неопределенность феномена власти. Анализируются такие работы Фуко, как «К критике политического разума» и «Надзирать и наказывать». Автор приходит к выводу, что понятие "власть" у Фуко раскрывается посредством анализа властных отношений и что французский мыслитель исследует феномен власти номиналистически.

Ключевые слова: структурализм, постструктурализм, власть, наказание, знание, истина, генеалогия, дискурс.

THE PROBLEM OF POWER IN MICHEL FOUCAULT'S WORKS

A. Glinsky

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. This article is an attempt to reveal and trace the genesis of the concept of power through the prism of the history of social relations within European culture interpreted in such works by the French postmodernist Michel Foucault as "Discipline and Punish. The Birth of

© Глинский А.В., 2017.

the Prison” and “Omnes et Singulatim: Towards a Criticism of ‘Political Reason’” to show the philosopher’s specific vision of the concept. This vision can be related to a certain tradition of thinking that determines it. Based on the analysis of the above mentioned works the author of the article comes to the conclusion that Foucault’s vision of power is quite uncertain and rendered nominalistically through power relations.

Keywords: structuralism, post-structuralism, power, punishment, knowledge, truth, genealogy, discourse.

Мишель Фуко – один из первых французских философов, проделавших путь от структурализма к постструктурализму, по сути, распространивший новое умонастроение за пределы Франции.

Известно, что постструктурализм был распространен главным образом во Франции и США. Постструктурализм – это и выявление скрытого в структурализме, и следствие внутреннего изменения в структурализме, и его «вторая волна». Постструктурализм – это безусловная реакция на структурализм [1, с. 300]. Собственно, когда обозначились способы, при помощи которых было возможно помыслить «изнанку» структуры, тогда и были заданы конкретные возможности постструктурализма [1, с. 300]. Под «изнанками» структуры здесь понимается то, что «в структуре подвергается отрицанию» [1, с. 300]. Так, по мысли Н.С. Автономовой, у Фуко из структуры мы выпадаем в послеструктуру – социально-политическое пространство игр власти [1, с. 300]. Постструктурализм возможен как воплощение духа противоречия (в противоположность духу гармонии, который воплощает в себе структурализм); в нём мы находим абсолютизацию различия как такового, которое было изъято из системы противопоставлений, придающей структурализму смысловую нагрузку. По сути, творчество

таких мыслителей, как Делёз, Лиотар, Бодрийяр, рождало совершенно неожиданные, яркие сочетания (в числе их и Фуко). Это была философия, которая не пыталась превзойти метафизику и в то же время не отбрасывала её [7, с. 60, 61]. Фуко в своих исследованиях механизма власти и нормирующих практик, порождающих знание, формирует идеи, характерные для постструктурализма [1, с. 300], которые, в свою очередь, объединяют «эмоция сомнения, критика субъекта, присутствия (наличия), представления, элементы релятивизма и скептицизма» [1, с. 300]. Как пишет Н.С. Автономова, «абсолютизация «различия» позволяет назвать всё в постструктурализме в том или ином смысле интертекстуальным – цитатным, аллюзивным, перекликающимся через голову эпох и веков» [1, с. 300]; и наиболее привлекательным интертекстуальным взаимодействием становится пересечение литературных текстов с философскими. Постструктуралистский подход также позволяет скрестить такие области, как политэкономия, социология, антропология, психоанализ, а значит, становится возможно рассмотреть столь сложное междисциплинарное явление, как власть.

Генеалогия «власти–знания» представлена двумя главными работами М. Фуко: «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975; рус. пер.

1999) [10] и «Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности» («История сексуальности», т. 1, 1976; рус. пер. 1996) [9], где Фуко раскрывает технику воспроизведения власти. Отношения господства – подчинения воспроизводятся на уровне отношений языковых выражений к обозначаемым объектам власти. Любой коммуникационный акт, по мнению Фуко, пронизан властными отношениями, поскольку коммуникация, даже в самом упрощенном варианте – как акт прямой передачи информации, предполагающий, по крайней мере, двух участников, – асимметрична. Используя гегелевскую диалектику взаимоотношений раба и господина, что мы встречаем не только у Фуко, изображенную Гегелем в его «Феноменологии духа», французский мыслитель показывает неуничтожимость и неустранимость этой асимметрии и генетическую связь асимметричных властных отношений с асимметрией по отношению к знанию. Однако, как писал французский мыслитель-эссеист Морис Бланшо, «Фуко <...> пишет очень щедро», но «является существом молчаливым» [2, с. 15]

В своих исследованиях Мишель Фуко опирается прежде всего на Ф. Ницше, который, как известно, олицетворяет «воинствующий политический аморализм» [4, с. 36]. Если в 1960-е гг. Фуко разрабатывает оригинальную концепцию европейской науки и культуры, основу которой составляет «археология знания», то в 70-е гг. в исследованиях французского мыслителя на передний план выходят отношения «знания–насилия» и «знания–власти». Развивая известную идею Ницше о «воле к власти», неот-

делимой, мотивирующей, по Ницше, также и стремление к знанию от «воли к знанию», Фуко значительно усиливает её и доводит до своеобразного «панкратизма» (всевластия). Но в отличие от иррационалиста и нигилиста Ницше Фуко не утверждает, что «неистина есть одно из условий существования человека» [3, с. 124]. В то же время мыслитель не «удовольствуется такими немудреными понятиями», как власть и знания, и их «напрашивающимися связями» [2, с. 26]. Как пишет в своей работе Бланшо, «власть – термин, удобный для полемики, но <...> непригодный, пока анализ не избавит его от <...> мешанины» [2, с. 26], что и пытается осуществить Фуко. Власть в теории Фуко перестает быть «собственностью» того или иного класса, которую можно «захватить» или «передать». Она не локализуется в одном только государственном аппарате, но распространяется по всему «социальному полю», пронизывает всё общество, охватывая как угнетаемых, так и угнетающих. Такая власть становится анонимной, неопределённой и неуловимой.

Французский мыслитель обращает внимание на изменение модели власти: в прежние времена власть суверена воплощалась в его личности и являлась безграничной властью над жизнью и смертью подданных. В Новое время изменяется система функционирования власти: она требует непрерывного и эффективного контроля и усиления роли юридических норм. Главным принципом реализации власти становится принцип анонимности, и осуществляется власть внутри общества, а не независимо от него. Такая власть тесно связана со знанием.

Знание – власть определённых индивидов, и определённые типы деятельности конституируют этих индивидов. «Власть всюду, – пишет Поль Вен, коллега Фуко и толкователь его работ, – тому, что признают истинным, нужно подчиняться» [3, с. 125], и, добавляет французский историк и археолог, если не сводить власть к государству, то «её можно обнаружить практически везде» [3, с. 126].

Власть, по Фуко, в качестве познания сама формирует свой предмет. Она осуществляет свои функции путём изучения своих объектов, их классификации, установления определённых соответствующих норм в рамках определенных дисциплинарных институтов. Истина, Разум и Субъективность раскрываются как стратегии развёртывания власти.

В своей статье «*Omnes et singulatum* (Всех вместе и каждого в отдельности – А.Г.): к критике политического разума» (1979) [11] Фуко рассматривает историю возникновения понятия власти, а также предлагает своё видение возникновения и функционирования государства. Роль разума или, наоборот, нехватка разумного начала в политических структурах в XIX в. всегда, согласно Фуко, критиковалась, и, таким образом, одной из задач Просвещения было приумножение политической власти посредством разума. Рациональность, понятие, которое с первых страниц статьи Фуко фигурирует как основополагающий принцип функционирования власти, требует своей расшифровки. Рациональность, по мысли философа, пришла к власти благодаря философии.

После Канта, который «воспрепятствовал выводу разума за преде-

лы того, что дано в опыте» [11, с. 285], вместе с развитием современных государств и политически организованного общества роль философии, согласно Фуко, заключалась в надзоре за злоупотреблениями политической рациональности со стороны власти, что, в свою очередь, «придало философии поразительное долголетие» [11, с. 285].

Фуко в этой работе устанавливает взаимосвязь между рационализацией и злоупотреблениями политической властью, анализирует столкновения с бюрократией и факт появления концентрационных лагерей. Философ предлагает следующие способы исследования взаимосвязей между рационализацией и властью, такие как:

1) рассмотрение того, как рационализуется общество в целом и культура в целом, исследуя при этом опыт безумия, болезни, смерти, преступления, сексуальности и т. д.;

2) раскрытие того, каким именно типом рациональности воспользовались рационализаторы;

3) обращение к тем временам, которые предшествовали эпохе Просвещения, несмотря на то, что последняя была «крайне важной фазой в нашей истории в целом и в развитии политической технологии в частности» [11, с. 287].

Фуко трактует проблему «идентичности» в контексте проблемы «индивидуализирующей власти» [11, с. 287]. Тем самым для Фуко важно показать, как развиваются технологии власти, «обращенные к отдельному индивиду» [11, с. 287] и предназначенные «управлять им последовательно и непрерывно» [11, с. 287]. Отсюда, по Фуко, мы подходим к пастырству как к выражению «индивидуализирующей власти»,

если под государством мы понимаем выражение централизованной и централизующей власти.

Затрагивая основные исторические сюжеты, типичные для пастырской власти, французский мыслитель отмечает то, что в древнегреческую и древнеримскую эпоху, по крайней мере, в политических текстах, отсутствует представление о том, что божество, царь и вождь – это пастух. Иное дело обстоит с ближневосточными цивилизациями древности: Египтом, Ассирией и Иудеей. Там, по мысли Фуко, мы встречаем «пастыря человек» [11, с. 294] – это либо Бог, либо божество, либо фараон, царь, вождь. И естественна ассоциация между Богом и верховным правителем: «у них одно и то же стадо, за которым они наблюдают» [11, с. 288]. Иудейская трактовка пастырской власти проработана глубже и основательнее: «Бог и только Бог является пастырем народа своего» [11, с. 288].

В этом месте своей работы французский философ подводит к выявлению различий, которые мы находим, сравнивая древнегреческую и древневосточную трактовки власти:

1) «Пастырь властвует скорее над стадом, чем над землей» [11, с. 289]; у греков же «боги владели землей, и взаимодействие между людьми и богами определяла изначальность владения» [11, с. 289];

2) для осуществления пастырской власти необходимо постоянное присутствие его носителя; в государственной же сфере правителю достаточно создать правильные законы, которые позволили бы существовать полису в дальнейшем и без правителя [11, с. 289].

3) различаются также способы спасения подданных: Бог-пастырь участвует в жизни каждого пасомого, он «бдит за тем, чтобы все без исключения овцы были накормлены и целы» [11, с. 289], у богов же Олимпа «не просили поддержания паствы день ото дня» [11, с. 289], но плодородной почвы и богатого урожая. Фуко здесь приводит талмудическое толкование Исхода: почему бог Яхве избрал Моисея как пророка и спасителя еврейского народа – Моисей оставил свое стадо ради одного-единственного заблудшего агнца. Вот пример участия пастыря: все без исключения овцы должны быть накормлены и целы. Похожий эпизод пастырской любви, но уже в Новом завете, мы встречаем в притче о блудном сыне, в котором реализуется принцип *last but not least*¹. Пастырский замысел относительно паствы заключается, по Фуко, в следующем: «её надо либо привести к хорошему пастбищу, либо вернуть в овчарню» [11, с. 289].

4) и, наконец, различие, связанное с идеей власти как «долга». В греческом полисе правитель принимает решение, учитывая всеобщий интерес, но при этом его жертва щедро вознаграждалась. Так, если он пал в бою смертью храбрых, то ценным даром было бессмертие. Пастырское же служение, по сути, близко, как пишет Фуко, к самоотверженности. Отсюда и тема «бдения»: пастырь «действует, трудится и входит в расходы ради своих спящих питомцев» [11, с. 290]. Здесь Фуко опять приводит пример из талмудического текста, в котором говорится о том, как Моисей кормил баранов своего стада: отпускал по возрастному

¹ «Последнее по порядку, но не по важности» [11, с. 289].

критерию с тем, чтобы молодые пощипали «самую нежную травку», а более взрослые и совсем старые «самую жесткую траву» [11, с. 290].

Как далее отмечает Фуко, это важно в связи с тем, что феномен «индивидуализирующей власти» проник в плоть и кровь христианской европейской культуры и прослеживается вплоть до современности. По мысли Фуко, европейские общества, возникшие на заре христианской эры, оказались наиболее агрессивными и захватническими, создав тем самым «странную технологию власти, признающую подавляющее большинство людей стадом, управляемым горсткой пастырей» [11, с. 291].

Фуко пытается определить генеалогию пастырства в древнегреческой мысли. Впервые, по мысли философа, модель пастырства мы встречаем в пифагорейских текстах. Как пишет Фуко в своей работе, «политическая метафора пастуха не возникает ни у Исократы, ни у Демосфена, ни у Аристотеля» [11, с. 292]. Идея правителя-пастуха у Платона обстоятельно критикуется Фуко. Последним предлагается то, что идея пастырства более или менее развита Платоном как пифагорейский сюжет. «Политика» Платона является, по мысли Фуко и по сути, рефлексией античности по поводу пастырства, одновременно, как полагают современные исследователи, это и литературное произведение наряду с «Государством», в котором «выделяются и обосновываются основные признаки идеального государства» [8, с. 31]. Пастырями можно назвать, по Платону, лишь музыканта, врача, педагога и т. п., но не политика, т. к. где он найдёт время для того, чтобы посещать каждого в отдельности, улаж-

дать каждого музыкой или заботиться о каждом в случае болезни [11, с. 295]. Задача политика – это создание и упрочение единства государства. Так, делает вывод Фуко, проблема политики у Платона – это проблема отношений между единством и множеством в рамках полиса и его граждан, а проблема пастырства касается жизни индивидов [11, с. 296]. Отсюда и современное растождествление власти политической и власти пастырской. Под первой Фуко понимает правовые рамки сообщества, а под второй – способность обеспечивать жизнедеятельность всех и каждого, изменяя их удел к лучшему [11, с. 296].

В дальнейшем в своей работе французский философ пытается проследить эволюцию пастырства или, что то же самое по Фуко, технологию власти на всём протяжении христианства. Так, он приходит к выводу, что во всех своих различного рода взаимопереплетениях практика (безумие, болезнь, преступление, сексуальность, идентичность), знания (психиатрия, медицина, криминалистика, сексология и психология) и власть порождают нечто демоническое и невероятное. Для Фуко все вышеперечисленные опыты-практики являются основополагающими, которые, по его мнению, должны быть в какой-то степени связаны с познанием и властью [11, с. 300].

Наряду с пастырской властью, в качестве следующего этапа в развитии «политической рациональности» [11, с. 317] автор «*Omnes et singulatim...*» выдвигает доктрину *государственного интереса* (*raison d'Etat*), включающую в себя принципы и методы государственного управления и *теорию политики*, которая определяет природу

объектов рациональной деятельности государства.

В целом, Фуко в своей работе «К критике политического разума» [11] выводит следующее:

1) власть – это «всего лишь частный тип отношений между индивидами» [11, с. 315]; этот частный тип Фуко отличает от торговых и производственных отношений, от коммуникации вообще. Речь идёт о различной степени контроля поведения других людей. «Не существует власти без потенциального отказа или сопротивления» [11, с. 315], без принуждения и насилия. И власть существует лишь при наличии потенциального отказа или сопротивления;

2) власть предполагает «определённую форму рациональности» [11, с. 316], исключая тем самым физическое насилие;

3) критика власти не должна ограничиваться критикой соответствующих институтов, а «необходимо поставить под вопрос соответствующую форму рациональности» [11, с. 316];

4) государство есть самая примечательная и самая страшная форма управления людьми [11, с. 317].

В другой своей работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975) [10], исследуя кратко историю практики отправления наказания, Фуко замечает, что «знание, методы, “научные” дискурсы формируются и постепенно переплетаются с практикой власти наказывать» [10, с. 19]. Философ стремится показать, как «власть наказывать находит себе основания, обоснование и правила, благодаря которым она расширяет свои воздействия и маскирует своё чрезмерное своеобразие» [10, с. 19]. Карательные техники суть часть методов отправления

власти, а наказание выступает определенной политической тактикой [5, с. 199]. Технология власти лежит в основании гуманизации уголовного права и познания человека.

Исследуя микрофизику власти, Фуко определяет власть через стратегию, а это значит, что речь идёт о механизмах, манёврах, тактиках и т. д., и т. п. Там, где есть напряжение, наблюдаются столкновения, налицо опасная ситуация «временного изменения соотношения сил» [10, с. 40], в так называемой точке бифуркации Фуко постулирует властные отношения. Знание и власть непосредственно предполагают друг друга – власть порождает знание, знание образует отношения власти. Посредством борьбы, которая пронизывает отношения власти–знания, возникают соответствующие формы и области знания [10, с. 43]. Именно карательные практики порождают знание, которое становится субстанцией власти. Так, пытки, практикуемые в уголовно-судебной системе, раскрывали истину и демонстрировали действие власти. Вплоть до наших дней, пишет Фуко, отношение «истина–власть» остаётся в центре всех карательных механизмов.

Человек также становится мерой власти. В настоящее время, по Фуко, мы сталкиваемся с настоящей «экономией власти», когда речь идёт о её более или менее равномерном распределении так, чтобы она «могла действовать повсюду и непрерывно, вплоть до мельчайшей частицы социального тела» [10, с. 116], и это достигается путём снижения «её экономической и политической себестоимости» [10, с. 117]. Экономия власти проявляется в практике отправления наказания, и Фуко приводит следующие правила:

1) с идеей преступления связывалась идея невыгоды;

2) «боль» от идеи «боли»;

3) наказание воздействует на тех, кто ещё не совершил поступка;

4) мысль неразрывно связана с мыслью о наказании;

5) принцип верификации преступлений – презумпция невиновности;

6) ясная кодификация преступлений и наказаний.

Так рождается тюрьма – место, где формируется покорный субъект, подчинённый власти; предпочтение в организации власти отдаётся «муштруемому телу» [10, с. 193]. И это было связано с тем, что оказалось возможным детально контролировать действия тела, подчинение его сил и навязывание телу отношений послушания-полезности. С экономической стороны силы тела увеличиваются, а с точки зрения политики – уменьшаются. Индивиды распределяются в пространстве, их действия контролируются, тем самым возникает новый объект-тело власти, что требует новых форм его познания.

В заключение можно сказать, что в своей работе «Надзирать и наказывать» [10] Фуко рассматривает власть в качестве надзорной иерархии, действующей как механизм. К ранее существовавшим властям: Закона, Слова

и Текста, Традиции – присоединяется Наказание. Вездесущность власти опосредована её отовсюдностью (а не всеохватностью).

Итак, мы можем сказать, что у Фуко отсутствует обстоятельное и завершённое рассмотрение власти как таковой. По сути, Фуко интересуется не то, что такое власть, а то, как она функционирует. Ибо метафизика власти – это тоже часть властного воздействия [6, с. 482]. Некоторые исследователи предполагают, что в рамках концепции власти Фуко следует говорить не о власти, а о властных отношениях [6, с. 483]. Фуко жестко разграничивает власть и физическое насилие, а значит, любое восстание против власти есть её продолжение. Более продуктивной, по мысли французского мыслителя, является критика самих основ политической рациональности. Невозможна, по Фуко, и теоретизация власти, но лишь по поводу власти. С другой стороны, важен сам процесс концептуализации, без которого невозможна аналитическая работа. И, наконец, мы можем сказать, что Фуко, исследуя феномен власти, отказывается от универсальной нормативности и использует принцип номинализма, т. к. власть представляет собой, по мысли философа, многообразную реальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н.С. Постструктурализм // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 299–301.
2. Бланшо М. Мишель Фуко, каким я его себе представляю / пер. с фр. и послеслов. В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2002. 96 с.
3. Вен П. Фуко. Его мысль и личность / пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб.: Владимир Даль, 2013. 195 с.
4. Глинский А.В. Проблема соотношения политики и морали // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 3. С. 32–39.

5. Грицанов А.А., Абушенко В.Л. Мишель Фуко. Минск: Книжный Дом, 2008. 320 с.
6. Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. СПб.: Алетейя, 2010. 672 с.
7. Иванова А.С. Социально-антропологическая проблематика в философии постмодернизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 3. С. 54–63.
8. Песоцкий В.А. Философема в структуре философского знания: опыт классификации философем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 2. С. 22–35.
9. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет / пер. с франц. С. Табачниковой общ. ред. А. Пузыряя. М.: Касталь, 1996. 448 с.
10. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem Press, 1999. 478 с.
11. Фуко М. Omnes et singulatim: к критике политического разума // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3 ч. Ч. 2 / пер. с фр. И. Окуневой, общ. ред. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2005. С. 285–317.

REFERENCES

1. Avtonomova N.S. *Poststructuralism. Novaya filosofskaya entsiklopediya. T. 3* [Poststructuralism. New encyclopedia of philosophy. Vol. 3]. Moscow, Mysl' Publ., pp. 299–301.
2. Blansho M. *Mishel' Fuko, kakim ya ego sebe predstavlyayu*. [Michel Foucault as I Imagine Him]. St. Petersburg, Machina Publ., 2002. 96 p.
3. Veyne P. *Fuko. Ego mysli i lichnost'*. [Foucault. His Thought and His Character]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2013. 195 p.
4. Glinskii A.V. The problem of the relation of politics and morality. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2016, no. 3, pp. 32–39.
5. Gritsanov A.A., Abushenko V.L. *Mishel' Fuko* [Michel Foucault]. Minsk, Knizhnyi Dom Publ., 2008. 320 p.
6. D'yakov A.V. *Mishel' Fuko i ego vremya* [Michel Foucault and His Time]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2010. 672 p.
7. Ivanova A.S. Socio-anthropological problematics in the philosophy of postmodernism. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2016, no. 3, pp. 54–63.
8. Pesotskii V.A. Philosopheme in the Structure of Philosophical Knowledge: the Experience of Philosopheme Classification. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2016, no. 2, pp. 22–35.
9. Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti: raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of different years]. Moscow, Kastal' Publ., 1996. 448 p.
10. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish. The Birth of the Prison]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 1999. 478 p.
11. Foucault M. Omnes et Singulatim: Towards a Criticism of 'Political Reason'. In: *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu*. Ch. 2. [Foucault M. Intellectuals and Power: Selected political articles, speeches and interviews. P. 2]. Moscow, Praksis Publ., 2005, pp. 285–317.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Глинский Андрей Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: a.v.glinsky@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Glinsky – PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy at Moscow Region State University;
e-mail: a.v.glinsky@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Глинский А.В. Проблема власти в работах Мишеля Фуко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 72-81.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-72-81

CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Glinsky A.V. The Problem of Power in Michel Foucault's Works. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 2, pp. 72-81.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-72-81